Тем не менее, Гермиона присосалась ниже. Ее пальцы крепче обхватили его ствол, когда она начала мотать головой в знак согласия и уступки удовольствию, к которому она никак не была готова. Она держала рот широко открытым, принимая столько члена, сколько могла, сосредоточившись на давлении и дикой пульсации, которая так сильно била в нее, головокружительный беспорядок глубокого жара, которому она должна была соответствовать. Вкус его члена был удивительно манящим, а ощущение горячего ствола во рту вызывало желание взять его глубже, но ей приходилось сдерживать себя, сдерживать свои желания и придерживаться странного ритма, который не совсем имел для нее смысл. Но у нее получилось.

Стоны удовольствия Гарри были тем манящим топливом, в котором нуждался ее нервный разум. Он наслаждался этим, низкий стон ее имени прорывался через его губы и заставлял Гермиону почти дрожать от удивления. Его пальцы начали перебирать ее волосы и ласкать щеку, играя с Гермионой, играя с нежностью и похотью, что заставило Гермиону поддаться гораздо большему возбуждению. Здесь не было никакого смысла, беспричинные радости и желания, которые били по конкретной и бессмысленной ноте. Наслаждение было здесь, направляя ее сейчас вместе с экстазом и изучая, какие удовольствия она может найти в процессе.

Как бы неуклюже это ни было, Гермиона добилась своего. Она ощущала движения, познавая свои пределы и не принимая его член слишком глубоко, рука работала вдоль его ствола быстрее. Несколько лизаний ниже по стволу сделали его более гладким для ее руки, которая тоже двигалась по члену и добавляла к этому еще большую суматоху, стремясь получить удовольствие, к которому она чувствовала себя более комфортно и подготовленной, работая с продолжающей упругостью на члене. Она знала, что нужно делать, и Гермиона была готова довести дело до конца, работая глубже, стоная вокруг его ствола и позволяя ему чувствовать постоянное нарастающее желание, которое, несомненно, станет его гибелью.

Это было не так уж плохо. Гермиона тоже не чувствовала себя плохой девочкой, делая это. Возможно, дело было в том, что Гарри был таким нормальным, когда он убирал волосы с ее лица и говорил, что у нее все замечательно. Она чувствовала себя теплой и обожаемой, полностью контролируемой и выполняющей свою часть работы, и даже если это был секс, это не был "секс" секс. Она все еще была девственницей, а это уже кое-что значит. Крепко держась за подтверждающее чувство, что все будет хорошо, Гермиона позволила удовольствию ворваться в свой разум, доминируя над ее мыслями и навязывая дикий прилив чего-то, чему она не знала, сможет ли противостоять. Непрекращающаяся пульсация голода ощущалась идеально, просто подкрадываясь к ней, требуя так много, оставляя ее жаждущей.

Гарри делал все возможное, чтобы сдержаться, но его пальцы все время хотели большего, хотели надавить на ее затылок и вогнать ее глубже. Он хорошо сдерживал себя, но растущее разочарование было сильным, требовательным, умоляющим его сделать больше и молящим о сладкой разрядке и облегчении от большего. Он застонал, откинув голову назад, чувствуя, как всепоглощающие толчки наслаждения бьют его все сильнее, все жарче, доводя до восторга и голода, слишком сильного, чтобы сопротивляться. "Гермиона, - предупредил он, пальцы сжались на ее затылке, и в момент слабости он потянул ее вниз.

Гермиона задохнулась, когда почувствовала, как ее голова погружается в его член, как он проникает в ее девственное горло. Она не была готова к этому, дрожа от неожиданности и

задыхаясь от внезапной силы его толчка, от возбуждения и жара, когда он входил в ее глотку. Ее руки схватили его за бедра, торопливо пытаясь оттолкнуть и оттолкнуться, но когда он держал ее, сильнее, чем она была в состоянии справиться, Гермиона почувствовала ползучий прилив экстаза, с которым она не могла спорить. Гермиона чувствовала головокружение и восторг, ее удерживали на его члене, даже когда она боролась вокруг него, глаза начинали слезиться, голова шла кругом.

Как бы безумно это ни было, но то, что Гарри держал ее на своем члене и кончал ей в горло, было одним из лучших ощущений, которые она когда-либо испытывала.

Контроль снова вернулся к нему, Гарри задыхался и отдергивал руку. "Прости", - сказал он, отдергивая руку. "Я увлекся. Ты в порядке?

Гермиона рывком поднялась с его члена, пряди слюны падали с ее губ, на ее лице было озадаченное и ошеломленное, почти косоглазое выражение восторга. "Все в порядке", - сказала она, и она говорила серьезно, как бы ни была потрясена. На самом деле ее волновало не то, что он сделал, а то, что она чувствовала, когда это произошло, дрожа от неуверенности, глядя на него с сияющим восторгом в глазах. "Тебе понравилось?"

"Да, это было потрясающе". Руки Гарри потянулись ниже, и он потянул Гермиону вверх вдоль своего тела, укладывая ее на бок и погружая ее голову в свою шею, прижимая ее к своей крепкой тверди и издавая вздох облегчения. "Огромное спасибо тебе за это, Гермиона. Это было потрясающее ощущение".

"Я рада помочь", - сказала Гермиона, закрывая глаза и дрожа от согревающего экстаза и света того, что она сделала. Это оставалось с ней, как ни странно, и ей почти хотелось вернуться вниз и сделать это снова, но она сдержалась и вместо этого наслаждалась радостью и теплом прикосновений своего парня и тем, как его любящее присутствие согревало ее. Это было прекрасно, если она давала голову. Даже если он тоже даст немного. Это не "считалось". Она все еще была хорошей умницей. Умная, правильная, чопорная, хорошо сложенная хорошая девочка с большим мозгом и большим сердцем. Почему это должно было что-то изменить?

Гермиона волновалась напрасно, и это было еще одним признаком того, что все в полном порядке. Как и должно быть.

"Я люблю тебя, Гарри", - тихо сказала она. Он сказал ей, что тоже любит ее, и даже если у них ни черта не получится с учебой, она знала, что сделала сегодня нечто большее, и учеба пойдет на пользу, когда они решат, что им делать с этой группой самообороны.

http://tl.rulate.ru/book/2890/69256